

Читайте в серии:

В. Кунин. «Интердевочка»

В. Кунин. «Сошедшие с небес»

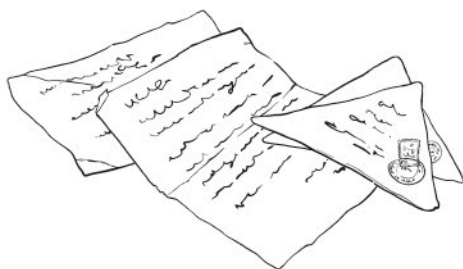
О. Руднев. «Долгая дорога в дюнах»

И. Грекова. «Хозяйка гостиницы»

К. Шахназаров. «Курьер»

И. Грекова

Свежо предание

АЗБУКА

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Г80

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Анастасии Ивановой

Грекова И.
Г80 Свежо предание : роман / И. Грекова. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 352 с. — (Как мы жили. Лучшее в советской прозе).

ISBN 978-5-389-27051-0

В центре романа «Свежо предание» — судьба еврейской семьи в России с начала XX века до 1953 года. Герой романа Константин Левин, названный именем толстовского героя, родился в семье романтиков-революционеров. Костина мама, совсем не похожая на уставших от жизни матерей его одноклассников, была ему не воспитателем, не надсмотрщиком, а другом. Костя верил в те же идеалы, что его родители. Камни на Марсовом поле с выбитыми на них торжественными словами были для него священны.

Ему повезло с мамой. Не повезло со временем. Рожденный в Петрограде в дни Февральской революции, он в полной мере ощутил, что значит оказаться жертвой истории.

Тридцатые, когда ему предложили отречься от репрессированного отца. Великая Отечественная война. Блокадный Ленинград. Холокост. Потеря близких. Антисемитская кампания конца сороковых — начала пятидесятых, когда он сделался изгоем и у него отняли лучшего друга, любимую работу. Самого себя. Потому что пройти через все те страдания, которые на него обрушились, выше человеческих возможностей.

Эта книга начинается как классический роман воспитания и взросления и заканчивается как трагедия — трагедия безысходности и отчаяния. Но и в отчаянии есть место надежде. Подрастает сын Константина Левина, а значит, есть кому рассказать последующим поколениям, что выпало на долю их отцам и дедам. Так, чтобы поверили.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Вентцель Е. С., наследники, 2025

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

Издательство АЗБУКА®

*Памяти моего сына
Михаила Дмитриевича Венцеля*

ОТ АВТОРА

Все газетные цитаты, приведенные в книге, —
подлинные. Автор по национальности — русский.

Москва, 1962 г.

Часть первая

Первым впечатлением, которое он запомнил, был радужный солнечный зайчик на стене. Обои были светлые, в крупных косых клетках, и в самую середину одной из клеток упал зайчик и лежал там не шевелясь, притихший и полосатый, сияющий каждым цветом.

Маленький мальчик еще толком не знал названий цветов — ему было всего три года. Он засмеялся и стал ловить зайчик рукой. Зайчик не давался: он только лег сверху на желтоватую худенькую руку и чуть-чуть изменил цвета. Мальчик был счастлив.

Он сидел на постели у мамы, на подушке, между мамой и зайчиком. Он давно не видел маму: она куда-то исчезла, а потом вернулась, и вот сейчас, сидя на подушке, он был ужасно счастлив, весь дрожал от счастья и от страха, что мама снова уйдет. Мама лежала желтая и бледная, та и не та, не совсем знакомая, остриженная, с короткой щетинкой на черной круглой голове. Малыш трогал щетинку пальцем, узнавал маму и боялся себе поверить и на всю жизнь запомнил радужного зайчика на светлых обоях и ощущение счастья, смешанное со страхом, что оно уйдет.

Потом, много позже, он узнал, что это было в двадцатом году, что мама болела тогда сыпным тифом и чуть не умерла, а радужный зайчик шел от хрустальной пепельницы на столе. Это была крупная пепельница из светлого, тяжелого хрусталя с гладкими сияющими гранями. Когда мальчик подрос, он сам научился в солнечные дни поворачивать пепельницу рукой и гонять зайчика по стене. Так и плясал над детством, над жизнью радужный зайчик, а потом стал появляться все реже и реже, пока наконец не погас совсем.

Мальчика звали Константин Левин.

Его родители — Исаак Левин и Вера Бергман — встретились в 1912 году на студенческой вечеринке. Он — студент-технолог, она — курсистка-бестужевка. Оба молодые, даже очень. Оба — революционеры. Оба пошли в революцию потому, что иначе жить было нельзя.

Вера была веселенькая, черненькая, с доверчивыми круглыми глазами и мелкокудрявыми волосами, до того мелко, что они даже не казались пышными. Когда она, смеясь, открывала рот, там сидели плотно, как горошины в стручке, голубые зубки. Она очень мило картавила, и каждое «р» подпрыгивало и каталось в горле таким шариком. Вера часто смеялась, любила общество, трудно огорчалась и легко утешалась, а в беде была твердая как камень. Смеющийся кремешок. Его бьют, а от него — смех и искры.

Многие считали ее легкомысленной. И трудно было догадаться, не догадывался никто, что эта смешливая, легонькая, веселая Вера носит с собой, глубоко

упрятав внутрь, одну вечную, страшную картину. Это были мертвые — дед и Циля.

Деда и сестренку Цилю убили погромщики в девятьсот пятом году. Вере тогда было двенадцать лет. Дед лежал на спине, повернув голову набок, с косо отброшенной в сторону седой бородой. Он был неподвижен, но казалось, что он бежит, отчаянно торопится, и бороду отдуло в сторону ветром. А поперек широкой дедовой груди, поникнув, как изломанный стебель, бескостно лежала маленькая Циля, с голубым личиком, в реденьких, колечками, черных кудряшках. Дед держал ее, словно оберегая и унося с собой, — старческой, белой и очень сухой рукой с голубыми жилами.

Эта картина всегда была при ней. Стоило Вере замолчать, задуматься, попросту перестать смеяться, как внутри что-то соскальзывало — словно маятник к положению равновесия, — и снова перед глазами лежали, на испачканной красным земле, дед и Циля. Только за собой недосмотришь — они снова тут. Дед и Циля.

Сначала от этого хотелось кричать, кусать руки, но постепенно Вера почти привыкла к ним. И сама картина с годами изменилась, стала спокойнее, и дед теперь лежал в памяти неподвижнее, и не так относилось ветром его бороду. Но это всегда было в ней, и в революцию Вера пошла из-за них: деда и Цилю. Невозможно, чтобы так было. Что-то делать надо, чтобы так не было.

Исю Левина Вера увидела впервые на пороге маленькой квартирki, где была назначена сходка. Она позвонила, он открыл дверь. Бежала по лестнице, опалась слезки, запыхалась, а тут еще с мороза в тепло. Ресницы длинные, она ими хлопала, стряхивала снежинки.

На пороге стоял высокий, смуглый, тонкий, как хлыст, юноша с огромными, светлыми, веселыми до наглости глазами. Эти глаза всего больше запомнились, да еще спутанные русые волосы, мокрые спереди, прилипшие ко лбу. На нем была белая, сияющая косоворотка и крученный шелковый пояс с кистями. Студенческая тужурка каким-то чудом держалась на одном плече. В руке — гитара.

— Я — Вера Бергман, — сказала Вера. Маленький шарик два раза перекатился у нее в горле.

Студент поглядел на нее, неистово-радостно засмеялся глазами, но себя не назвал. Вместо того чтобы поздороваться, он переложил гитару в другую руку, поднес указательный палец к губам, потом быстро-быстро и совсем непринужденно приложил палец к одной Вериной щеке, к другой, словно обжегся, и сказал два раза: «Пс! пс!»

— Это как утюг пробуют? — спросила Вера.

— Вот именно. Умница. Все понимаете.

— Ну уж... — смутившись, сказала Вера и украдкой заглянула в зеркало. И в самом деле, щеки с морозу были красные, как огонь, с легким пушком и, пожалуй, славные.

И все-таки, какой-то он странный...

А странный студент быстро, ловко и все так же непринужденно снял с нее бархатный жакет, меховую шапочку, отобрал маленькую муфту и все это развесил, разложил, поворачиваясь гибко, стройно, взмахивая черным крылом висящей тужурки, которая, неизвестно как держась на плече, еще и танцевать ухитрялась. Все это было немножко через меру. Для той несложной работы, которую он делал, было слиш-

ком много движений. Казалось, вот-вот он переломится в поясе.

Он распахнул дверь и поклонился, пропуская ее вперед.

В комнате — не то столовой, не то гостиной — было накурено, пел самовар, гремели чашки. Хозяйка дома — худая, веснушчатая девица с лошадиным лицом и пенсне на каких-то постромках — еле заметила Веру, наскоро пожала ей руку, сказала: «Развлекайтесь самостоятельно. У нас без церемоний. Чаю?» — и, не дождавшись ответа, присоединилась к спорящим.

Спор гудел, как шмелиный улей. Табачный дым ходуном ходил над чайным столом с грязными тарелками, мокрыми окурками, бескровными ломтиками лимона в недопитых стаканах. О чем спор? Слышно было: «...Государственная дума... Марков Второй... дело Бейлиса... медицинская экспертиза... международный скандал... дело Бейлиса...»

Внезапно от группы спорящих отделился один — грузный мужчина с черной бородой, — поднял широкую, как сковорода, руку и мощным, покрывающим спор басом возгласил: «Сейчас дело не в этом. Сейчас главное — в теории. Без теории нет революции, нет борьбы».

А Вера ничего не понимала в теории. Ей, наверно по наивности, казалось, что никакой теории не нужно. Разве нужна теория, чтобы любить и ненавидеть? Она пришла в революцию просто потому, что иначе не могла. И еще потому, что они лежали там вечно: мертвый дед и мертвая Циля. Но об этом она никогда никому не говорила. Она никого не могла пустить туда, где они лежали.

Сидя на диване и еле прислушиваясь к спору, она оглядывалась, блестя оживленными глазами. Нет, его, кажется, не было тут — того товарища, с которым они условились встретиться. Которому она должна была сказать условные слова (только бы не забыть!). Который должен был передать ей письма из Центра. Лица кругом были все незнакомые. Знакомым — пугающе знакомым — казался только один — тот студент, что отворил ей дверь и обжегся об ее щеки. Он все время мелькал по комнате — быстрый, поворотливый, горя глазами, взмахивая черным крылом тужурки, нагибаясь то к одному, то к другому, и вдруг остановился перед ней, поставил ногу на стул, крепко и точно ухватил гитару, пристукнул костяшками пальцев по деке, ущипнул струны — раз, другой... И сразу не стало слышно спорящих голосов. С проникающей нежностью заныли струны...

— А ну! — крикнул он самому себе и быстрой, задышающейся скороговоркой вырвался, понесся вперед.

Во поле березонька стояла...
Во поле кудрявая стояла... —

сообщал он доверительно, полупшепотом, словно невесть какую новость (только вам, только вам!). А гитара так и порхала у него в руках, вертелась, подпрыгивала.

Белую березу заламаю... —

сообщал он все так же, по секрету, неистово глядя Вере в глаза. «Заламает, — верилось ей, — ох, заламает!»

— Вот так-то, — сказал он, закончив песню и садясь рядом. — Будем чай пить.

Все было сизо от дыма, и окурки лежали везде: в блюдечках, на подоконниках, в стаканах с ломтиками лимона. И споры, как окурки, намокли желтым, и Вера ничего не понимала, но веселый студент был рядом: вскакивал, садился, хватал и откладывал гитару — беспокойный, как огонь на ветру. Но странное дело — от его беспокойства ей было спокойно. Того товарища все не было, это должно было тревожить Веру, но не тревожило, все было в порядке, и она даже не испугалась, когда около полуночи раздался звонок — долгий, требовательный — и кто-то сказал: «Полиция!» Произошла небольшая суматоха, кто-то ахнул, кто-то разбил стакан, хозяйка предложила всем сохранять присутствие духа, а грузный чернобородый пошел отворять. Вера и сама не сообразила, как она оказалась в коридоре, а потом на кухне, с тем самым студентом.

— Быстро одевайтесь, — приказал он шепотом, подавая ей жакет и шапочку. — Муфты не нашел. Обойдетесь?

— Несомненно.

— Я вас сейчас отсюда выведу. Не бойтесь?

— Нет.

Он резко рванул к себе раму окна, она распахнулась с сухим бумажным треском. Оттуда дохнул темный, влажный воздух ранней зимы. Снег уже перестал, и после накуренной комнаты неожиданная свежесть ночного воздуха тонким счастьем входила в легкие.

Студент кошкой прыгнул на подоконник и поднял к себе Веру. За окном была покатая крыша, запорошенная очень белым в темноте снегом. Она загремела под ногами, как ведро.

Они пробежали по крыше, спустились по пожарной лестнице, перелезли на другую крышу, потом — на третью... А там Вера уже перестала соображать, где они и по каким крышам и лестницам идут. Вверх-вниз... Студент вел ее за руку, иногда бережно приподнимал или опускал куда-то. Он шел в темноте легко и уверенно, с кошачьей чуткостью шага. Вера не удивилась бы, если бы, свалившись с крыши, он перевернулся по-кошачьи и встал сразу на ноги. Ей не было страшно — напротив, было весело и любопытно, чем все это кончится?

А кончилось тем, что пришлось спрыгнуть с невысокой крыши сарая прямо в мягкий, пухлый, под ногами оседающий снег. Двор был глубокий, темный, в окнах — ни огонька. Он соскочил первым и принял Веру прямо в руки — тонкие, сильные, вздутые у плеч жесткими желваками. Так они и стояли в обнимку, по колена в снегу, переводя дух и прислушиваясь.

— Кажется, все, — сказал он. — Погони не слышно. Ну, как вы себя чувствуете?

— Прекрасно.

— Прекрасно, — передразнил он, пытаясь, как она, шариком перекатить два «р». И вдруг, не разжимая и не сжимая объятий, поцеловал ее в губы — маленькие, холодные, пахнущие оттепелью, снегом. — Это ничего, что я так сразу? — спросил он и разжал руки.

Вера не ответила, почему-то расхохоталась. Просто стояла и смеялась, громко, беспечно, прихлопывая

ладошками по коленям. Колени были низко, у самого снега. Впрочем, и он стоял по колено в снегу и тоже, верно, выглядел коротышкой. Это она над ним?

— В чем дело? — спросил он довольно обиженно. — Если вам не понравилось, дайте мне пощечину, и дело с концом.

— Нет, ничего. Просто мне стало очень смешно. Я ведь совсем не знаю, как вас зовут.

— Меня зовут Изя. Исаак Рувимович. Исаак Рувимович Левин. Поняли?

— Поняла. Рувимович, — сказала она и вдруг положила ему голову на плечо. Он осторожно ее обнял.

— А я ведь тоже не знаю вашего отчества.

— О, это очень просто. Ильинишна.

— Ильинишна, — сказал он важно, бережно и снова ее поцеловал. — Это из какой-то сказки: Ильинишна. Надо идти, Ильинишна. Только куда?

— Не все ли равно? Куда-нибудь.

— За моей квартирой следят. А то бы я вас пригласил.

— Забавно. За моей тоже.

— Пойдем знаете куда? На вокзал.

До утра они просидели на вокзале. А утром, прощаясь, не зная, увидятся ли, они уже знали друг о друге все. И главное, ничего не надо было рассказывать — все и так было ясно. Изя был первый, кого Вера пустила туда — к деду и Циле. Она ничего не сказала словами — он и так все про нее знал.

— Пустякинишна моя, — сказал он, целуя ее на прощание.

Через две недели они поженились, а еще через две недели Исаака Левина арестовали. Снова встретиться

им удалось только в шестнадцатом году, когда Изю выпустили из тюрьмы и почти сразу же послали на фронт. Он пробыл в Петрограде всего две недели. Только два раза по две недели прожили они вместе до революции. Ничего — они были молоды. Их счастье было впереди. Оно ждало — революции — и дождалось.

* * *

В двадцатом году мальчику было три года, а родился он в семнадцатом году, в Петрограде, в самую Февральскую революцию.

Зимним ветреным вечером Вера Левина шла по улице, задыхаясь от ветра, от возбуждения. Вот оно, наконец-то, начинается, началось! Вот она — Революция! Та самая, за которую боролись, умирали, сидели в тюрьмах, бежали с каторги. Неужели она? Она! Все ужасы были позади: полицейские, жандармы, и те страшные, пьяные, с икотой и «Боже, царя храни», которые убили деда и Цилю. Ничего такого больше не будет! Революция всегда была впереди, а теперь она здесь, вот она, ее можно потрогать рукой. Революция — на улицах Петрограда. Небо дрожало и горело янтарным дымным заревом, и в разных местах весело, безобидно и вовсе не страшно щелкали выстрелы. По привычке Вера попробовала, как всегда, увидеть деда и Цилю, но вечная картина расплывалась, ускользала в сторону. А то, что ей удавалось увидеть, было не такое — не живое, не страшное. Словно бы дед перестал бежать и спокойно лег на землю, вытянув длинные ноги, а Циля и вообще не хотела показываться — мелькнув на мгновение, про-

падала. «Неужели они отпустили меня?» — думала Вера. Это было неправдоподобно, почти как сама революция.

На углу, под оторванной, грохочущей на ветру вывеской, были навалены бревна: баррикада. Немолодой, крепко бородатый солдат в папахе, кряхтя, подкапывал бревно повыше. Вера остановилась рядом.

— Солдатик, а солдатик, — сказала она.

— Чего? — неохотно отозвался солдат.

— Ну как? — спросила она.

Она и сама не знала — «чего». Может быть, того, чтобы солдат подтвердил ее радость, гордость. Похвалил ее за революцию, что ли.

— Шли бы вы отседова, барышня, — хмуро сказал солдат.

Тут случилось что-то непонятное. Какой-то холодный, тонкий писк прозвучал не снаружи, нет, внутри, в ней самой. Вере стало смешно от этого писка, но в груди что-то мешало смеяться. Она помахала солдату варежкой и тихонько, соскальзывая ботиками, стала сползать боком на бревна. Внезапно она увидела деда: живой, смеющийся, с красивой бородой, он сидел на стуле под часами, а на коленях у него, играя брелоками, сидела маленькая Циля.

Солдат нагнулся. Он увидел бледное, с синевой личико, выпуклые веки на неплотно закрытых глазах и из угла рта — извилистый черный шнурок: кровь.

— Господи батюшка, подстрелили, Царица Небесная, — сказал он, подхватывая Веру под мышки. Маленькая барышня оказалась неожиданно тяжелой. Вот оно в чем дело... — Эх ты, птаха, — горько и бережно сказал солдат.

Он взял Веру на руки и отнес в военный госпиталь. Ночью ей сделали операцию, а к утру родился Константин Левин.

* * *

— Это ты, это ты, — бессмысленно повторял Исаак Левин, стоя на коленях у Вериной койки, целуя грубое шерстяное одеяло. Он был худ и страшен, с белыми губами, в полушубке, с маузером у пояса. На один день он приехал с фронта и завтра должен был ехать назад. Может быть, он даже был дезертиром — Вера как следует не поняла. Она лежала с выложенными поверх одеяла слабыми руками, но он почему-то целовал не руки, а одеяло и все повторял: «Это ты». Внезапно он вспомнил про мальчика. Мальчик был лишним, нереальным, не имел смысла. Существовала только она, Вера — живая!

— Как мальчик? — спросил он. В сущности, ему не было дела до мальчика. Спросил, в сущности, так, из вежливости.

Маленькая улыбка вспорхнула на бледные Верины губы.

— Очень хорош, очень хорош, — ответила она шепотом. — Молока нет. Как мы его назовем?

— Все равно, — сказал Исаак. — Это ты.

И Вера назвала мальчика Константином.

Ух и досталось же ей от Изи, когда они наконец увиделись! Мальчику было уже полгода, а отец впервые узнал, как его зовут.

— Какое недомыслие! — кричал Исаак. — Константин Левин! Почему не сразу Евгений Онегин? Или Чайльд Гарольд? На всю жизнь ты его опозорила. Все

будут его спрашивать: давно ли он из романа «Анна Каренина»?

— Я просто забыла, — говорила Вера смеясь.

— Что забыла?

— Что есть Анна Каренина. Что есть Константин Левин.

— Константин, да еще Исаакович! Хорошенькая комбинация! Ты подумала, как его будут звать, когда он вырастет?

— Нет, не подумала, — легкомысленно отвечала Вера. — Может быть, когда он вырастет, никаких отчеств уже не будет. А теперь его вообще зовут Тань-Тин. Как китайца. Правда, хорошо?

— Пустякинишна! — гремел Исаак. — Вот уж подлинно Пустякинишна! Кстати, где же этот парадокс? Я ведь его еще не видел.

— Лежит на балконе, голубой от счастья.

— Почему голубой?

— Посмотри сам.

Они вышли на балкон. И точно, в бельевой корзине лежал Тань-Тин, голубой от счастья. Он был пьян, мертвецки пьян свежим прохладным воздухом, он спал отчаянно, страстно, восторженно, с тонкими прозрачными голубыми веками, с голубыми жилками на беленьких висках.

— Константин Исаакович, — вдруг нежно сказал Изя. — Нелепость и сын нелепости.

— Так-то лучше, — одобрила Вера. — Ну а теперь возьми меня в руки.

Он взял ее в руки, и они смиренно стояли у бельевой корзины, внимательно глядя, как трудился Тань-Тин над своим вдохновенным сном. Они без слов думали

о том мире, в котором он будет жить, где вообще не будет паспортов, а может быть, даже и отчеств и где у маленького Тань-Тина никто не спросит: еврей он или нет и почему он Исаакович.

* * *

День, когда в сознании маленького Тань-Тина впервые зажегся радужный зайчик, был еще тяжелым днем голодного двадцатого года. Но ничего тяжелого не запомнил Тань-Тин. Для него все было радостью. Как жадно кусал он маленькими зубами ломоть черного, плохо пропеченного хлеба, посыпанный грубой солью! Одни солинки были серые, круглые, как обкатанные шарики, другие — серебряно-белые, искорками. Он видел эти крупинки близко-близко, они казались ему интересными, как кубики. От зубов на хлебе оставались ровные, круглые дужки. Каждая дужка — словно цветок. Он кусал и играл, ел и играл и смеялся от радости.

В углу была кафельная печка с гладкими белыми изразцами, и на каждом изразце ярко-синим, страшно-синим была нарисована своя картинка. На одной — китаец-рыболов в шляпе домиком опускал в синюю воду тонкую, красиво изогнутую удочку. Сколько раз, глядя на эту картинку, Тань-Тин ждал и боялся, что китаец вдруг вытянет синюю рыбку!

На другой — синий кот, подняв лапу, неподвижно ловил синюю мышь, и Тань-Тин тоже сладко боялся: а вдруг поймает? Он больше любил те изразцы, где никто никого не ловил, а просто были синие цветы, синие часы, синие будочки. И все-таки его что-то тянуло к тем, страшным.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ГРЕКОВА ИРИНА
СВЕЖО ПРЕДАНИЕ

Ответственный редактор *Ю. Раутборн*
Технический редактор *Л. Ситицына*
Корректоры *О. Левина, Е. Шумская*
Верстка *Е. Днепров*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.11.2024.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 3000 экз. Т-HWL-36050-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака Азбука 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – Азбука тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

